

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает «Однажды...»

Однажды в библиотеке

Судьбу человека определяют его происхождение, окружение и имя, которое дается при рождении. С первыми двумя составляющими мне повезло, но вот с именем были настоящие проблемы. Меня назвала бабушка в честь своей прабабушки Алевтиной. В современном мире жить с таким именем было непросто. В садике и школе меня дразнили Тиной. Только бабушка звала меня Аленьким цветочком. Когда в Советском Союзе узнали о творчестве Тины Тернер, такое прозвище меня больше не обижало, в университете привязалось сокращенное имя Аля, поэтому к своему совершеннолетию я смирилась со своим именем и не стала его менять. После смерти любимой бабушки о смене имени я вообще перестала думать, но понимала, что Аленьким цветочком меня уже никто никогда не назовет...

Успешно закончив факультет журналистики, я смогла устроиться в редакцию газеты, имеющей огромную популярность в нашем регионе. Издание выпускалось дважды в неделю, имело разнообразные рубрики. Учítывая красный диплом, я была просто уверена, что моментально получу право претендовать на первые полосы. Но оказалось, у главного редактора была иная философия, согласно которой для получения права на размещение публикаций молодому журналисту необходимо было отработать не менее года и обладать целым набором качеств, такими как целеустремленность, трудолюбие и журналистская интуиция. Мне приходилось упорно трудиться и ждать, когда в «зеленой» выпускнице наш шеф усмотрит молодого профессионала. Работы у меня всегда было навалом, и за короткое время я смогла познакомиться с интересными людьми. В общем, с головой окунулась в профессию. Накопив денег на хороший фотоаппарат, я увлеклась фотоискусством. Стала участвовать в самом производстве газеты. Это оказался технически сложный организационный процесс. Хорошо освоила необходимые программы, попросилась участвовать в верстке, за что получила признание от той части коллектива, которая занималась производственными вопросами газеты. Но даже через год мне так и не дали возможность начать свою рубрику. От главного редактора я по-прежнему не слышала ни одного слова похвалы.

Творческая «элита» коллектива, с которым мне пришлось работать, носила известные имена. Многие бывали в горячих точках, имели знакомства во властных структурах, вели журналистские расследования, могли позволить себе опоздать на работу либо вовсе на

нее не ходить, поскольку иногда испытывали творческие муки или депрессию. Нередко выпивали, много рассуждали о собственной роли в политике страны и упорно делали вид, что меня не существует.

Личная жизнь у меня не складывалась. Крутить романы с журналистами я не стала – слишком переменчивы были их увлечения, хотя несколько предложений заняться любовью я все же слышала от именитых авторов. Моя студенческая любовь прошла еще в институте. Свою жизнь на первых порах я решила посвятить работе.

Наступил апрель, все издания готовились ко Дню Победы. Наша газета не была исключением. Однажды шеф дал задание обратиться в самую крупную библиотеку для сбора информации о ветеранах Великой Отечественной войны, проживающих на территории региона. Мне необходимо было изучить малоизвестные издания местных авторов о подвигах наших земляков. Перспектива застрять в библиотечных фондах вовсе не радовала меня, но мне хотелось отличиться, поэтому спорить я не стала и отправилась в таинственный мир тишины и картотек.

В библиотеке меня встретила худощавая немолодая женщина, на ней была бесцветная одежда, на лице – абсолютное отсутствие макияжа. Мое алое пальто, сумочка и губная помада рядом с ней напоминали яркое пламя на выжженной земле. Она внимательно посмотрела на меня и предположила, что я ошиблась адресом, поскольку это не магазин одежды. Меня охватил приступ гнева. Я так и не привыкла к вечной невидимой борьбе между красивыми и некрасивыми женщинами. Но я была на ее территории, поэтому дерзить не стала, попросила помочь выполнить поручение шефа.

Женщина выслушала меня и предложила пройти в читальный зал. Там было уютно и почти безлюдно. В глубине зала был слышен эмоциональный разговор двух женщин. Пока моя спутница объясняла сотруднице, какая литература мне необходима, я невольно прислушалась к диалогу женщин. Одна из них оказалась директором библиотеки, другая просила помочь издать книгу ее супруга, которому в этом году должно было исполниться восемьдесят пять лет. Директор объясняла, что план издательской деятельности на год уже сверстан, предложила сдать рукопись для рецензии на будущий год. У бабушки по щекам полились слезы, она ответила, что супруг может не дожить до следующего года. Директор тяжело вздохнула и попросила показать рукопись. Дрожащими руками бабушка достала из тканевой сумки огромную кучу листов. Руководительница заголосила, что рукопись еще и не готова, так как она написана от руки. Сухо ответив нет, директор извинилась и вышла из читального зала. Бабушка присела на стул и тихонько заплакала. Мое сердце сжалось от боли. Я

вспомнила свою бабушку. Когда она потеряла свое обручальное кольцо, подаренное ей дедушкой, который умер еще до моего рождения. Несмотря на то, что бабушка давно была вдовой, эта потеря оказалась для нее оглушительной. В своем отчаянии она утверждала, что ее мир сразу потускнел, словно закатилось солнце. Я никогда не видела, чтобы раньше она так плакала. Вскоре ее не стало...

Эта незнакомая бабушка плакала так же. Я подошла и предложила воды – бутылочка всегда лежала в моей сумочке. Бабушка вежливо отказалась, достала платок, вытерла лицо и с досадой в голосе сказала, что муж будет ругаться за эти слезы. Я протянула руку и представилась. Бабушка подняла на меня карие печальные глаза, немного улыбнулась и сказала, что меня зовут как Аленький цветочек. Волна нежности вдруг охватило мою душу. Подойдя поближе, я смогла хорошенько рассмотреть эту элегантную женщину. Бабушку звали Варвара Фокеевна. Ее седые, туго зачесанные назад волосы украшала черная шляпка-таблетка. На белую кружевную блузку был накинут черный удлиненный кардиган. Видавшие виду сумочка и туфли выглядели ухоженно и достойно. Своего мужа она звала Егориком. Его полное имя было Егор Фомич. Обладая журналистским чутьем, я почувствовала, что просто обязана выслушать историю этой женщины. Но сначала поблагодарила за старания библиотекаря, которая к тому времени подыскала нужные мне книги, пояснив, что приду в другой раз. Затем я предложила Варваре Фокеевне выпить чаю в кафе напротив библиотеки. К моему удивлению бабушку не пришлось долго уговаривать. Через четверть часа мы сидели за столиком у окна и пили ароматный зеленый чай с жасмином в придачу с вкусными свежими круассанами с сыром.

Егор Фомич, как оказалось, когда-то был военным журналистом и прошел всю войну. Я не верила своим ушам – наша встреча была настоящей удачей. Когда Варвара Фокеевна узнала, что я собираю материалы о героях нашего региона, она позволила взглянуть на рукопись. Пожелтевшие страницы говорили о том, что автор их писал давно. Истории, написанные каллиграфическим почерком, погрузили меня в мир другого поколения: жизни и смерти, потерь и приобретений. Я предложила частями опубликовать рукопись в газете. Варвара Фокеевна немного замялась, но вскоре сказала, что поддерживает это предложение и готова рискнуть, я напомнила, что решение будет зависеть от редактора. Записав номер домашнего телефона и адрес, я забрала рукопись и пообещала вскоре позвонить.

Перебрав тысячу слов, массу доводов, я решила на разговор с шефом. В ярких красках рассказала о судьбоносной встрече и озвучила свою просьбу. Он посмотрел на меня, зевнул и ответил, что решил поменять мне задание на сбор сведений об истории создания памятника, посвященного 30-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Моментально вспыхнув, набравшись смелости, я потребовала объяснений, почему

он ко мне относится как к прислуге и не дает возможности проявить свой талант. Я возмущалась несправедливо низкими гонорарами, его равнодушием, напомнив о том, что работаю в газете уже два года и давно стала незаменимой во многих вопросах, всегда обладала всеми качествами настоящего журналиста и требовала дать мне шанс. Слова вырывались из меня, словно шампанское из бутылки, которое растрясли по дороге. Главный редактор остолбенел от моего выступления и вытянулся во весь рост. Вместо тихой услужливой девчонки перед ним стояла разъяренная бестия, готовая растерзать за абсолютно неизвестного старика. На секунду мне показалось, что шеф закричит, чтобы я убиралась вон, но вдруг он широко улыбнулся, громко хлопнул в ладоши и сказал, что давно наблюдал за мной и ждал, когда я созрею для серьезной работы. Снова рухнув в кресло, сказал, чтобы я готовила публикации в несколько номеров. Но предупредил, что при наличии отрицательных отзывов рубрику закроет. Потом снова улыбнулся и добавил, что на мнение моих коллег ориентироваться не будет. Я поблагодарила его и выскочила из кабинета, под дверями которого уже толпились «примы» первых полос.

Вечером я позвонила Варваре Фокеевне и объявила, что у нас все получилось. Она предложила прийти в субботу к ним на обед для знакомства с автором. Несколько дней до окончания рабочей недели я набирала и редактировала рукописный текст Егора Фомича и сочинила вступительное слово, а также делала необходимые пояснения. Несмотря на интенсивный труд, напечатать получилось лишь треть воспоминаний. Это означало, что моя рубрика затянется надолго. Меня это обстоятельство, безусловно, вдохновляло.

К моменту знакомства с четой Свиридовых я прочитала их удивительную историю любви, о потере первого годовалого сына от туберкулеза, получении повестки на фронт, узнала правду о тяжелых годах войны, о голоде и потерях, вере и надежде на спасение, главное, о чести людей, погибших за свою Родину и семью...

Перед обедом я купила цветы для хозяйки, хорошего сухого вина и фруктов. Домофон не работал, поэтому Варваре Фокеевне пришлось спуститься за мной с третьего этажа, что меня очень расстроило, учитывая ее жалобы на боль в суставах. Дома нас ждал ее муж, которому осенью должно было исполниться восемьдесят пять лет. Он стоял и улыбался открытой улыбкой, но через мгновение я поняла, что Егор Фомич был слеп. Один глаз полностью закрыт бельмом, во втором не было видно зрачка. Дедушка протянул сухую жилистую руку и поприветствовал меня, назвав Аленьким цветочком. В рукописи я успела прочитать, что так звали его младшую сестру, которая умерла от голода в годы войны. Мы прошли в зал. Все было обустроено очень просто, но со вкусом, старые ковры на стенах говорили о давнишнем достатке, легкий запах хлора – о привычке содержать дом в чистоте. Егор Фомич говорил без умолку, он благодарил

меня за издание рукописи в известной газете. Шутил, что, если был бы свободен, непременно женился бы на мне, поскольку считал меня красивой женщиной. На вопрос, откуда он знает, ведь его глаза совсем не видят, дедушка ответил, что давно научился видеть душой, а она не обманывает. Варвара Фокеевна назвала супруга старым бабником, напомнила, что моложе его на десять лет и не собирается раньше него умирать. Потом мы сели обедать. Пожилая пара с удовольствием выпила вина и еще больше разоткровенничалась про свою жизнь. Супруги целовали друг друга. Если бабушка прикасалась к мужу рукой, в ответ он всегда гладил ее руку. Это было настолько трогательно, что мне приходилось душить слезы, подступающие к горлу. Егор Фомич рассказал свою теорию про смерть, которую несколько раз видел очень близко: иногда она проходила рядом, иногда забирала родных, делала невыносимо больно, но отступала, когда он сильно об этом просил, будто с ней можно было договориться. Вот и теперь он был уверен, что упросил ее прийти только после издания книги. На мое предложение вовсе не издавать книгу Егор Фомич улыбнулся и ответил, что умрет все равно, но это случится легче, если книга будет издана, ведь ее он писал почти всю жизнь, пока не ослеп...

Мы много говорили о любви, о весне и счастье, когда есть семья и дети, внуки и правнуки, о будущем праздновании Дня Победы и юбилея автора. Мне было хорошо в этом скромном доме, где вовсе не пахло старостью. Егор Фомич вызвался меня провожать, но тут же получил от супруги напоминание о сохранении верности жене. Мы все рассмеялись, и я уехала домой на такси. Набирать текст рукописи стало легче, ведь рассказчика я знала в лицо...

Перед первой публикацией я долго не могла заснуть – волнение переполняло. «Сдалась» я самая первая, но до глубокого вечера мы ждали завершения первополосного материала об уголовном деле проворовавшегося чиновника. Когда все материалы были сверстаны и выпуск сдан в печать, я выдохнула с облегчением. Главный редактор завел меня в кабинет, где сидели журналисты, и попросил всех поздравить меня с первой серьезной работой. После секундной паузы неожиданно для меня коллеги встали и стали аплодировать. Я смутилась, поблагодарила всех за поддержку, шеф похвалил меня и себя за то, что умеет видеть талантливых людей. В корректорской меня ждал торт с дарственной надписью. Так в один вечер мое положение в газете изменилось навсегда.

Из дома я позвонила Свиридовым и пообещала привезти побольше газет на память. Егор Фомич встретил меня в белой рубашке и темно-синем костюме, я поняла, что это был его выходной костюм. Он торжественно приветствовал меня, назвал героиней, поскольку подозревал, что будет непросто, и снова поблагодарил за труд и терпение. Я вручила тридцать экземпляров и рассказала, что еще тридцать разложу в ящики всем соседям.

Сухие безжизненные глаза Егора Фомича увлажнились, со словами «спасибо, доченька, наш Аленький цветочек», они проводили меня до выхода.

Через две недели в редакцию стали поступать звонки от читателей, у которых деды или прадеды тоже были на войне, выражали благодарность за новую рубрику. Все восхищались историями Егора Фомича и заодно хвалили меня. Рубрику решили продолжить, я стала собирать новые истории, встречаться с потомками героев-соотечественников, организовала фотовыставку фронтовых фотографий, центральное место в которой заняли работы Егора Фомича.

Перед празднованием Дня Победы в редакцию позвонил помощник представителя крупной компании и предложил мне встретиться. Публикация воспоминаний Егора Фомича произвела впечатление на руководителя фирмы, и он предложил издать книгу в честь юбилея автора. Учитывая полностью набранный материал, нам оставалось лишь внести деньги в типографию и, грубо говоря, нажать кнопку «печать». Так и случилось.

Но с Варварой Фокеевной мы условились, что автору пока говорить ничего не станем, поскольку обе боялись разговоров о смерти. Она подобрала лучшие фотографии супруга, их семьи, боевых друзей, коллег. Издание получилось великолепным. Презентацию книги решили совместить с юбилеем, чтобы сделать сюрприз. Но какого было наше удивление, когда Егор Фомич сказал, что знает про книгу, потому как подслушивал все наши разговоры и кожей почувствовал «заговор». Мы снова рассмеялись, но супруга пожурела разведчика за срыв операции.

Егор Фомич не дожил до своего юбилея, но успел свою книгу подержать в руках. Он ронял слезы на твердый переплет и все время благодарил за помощь. Варвары Фокеевны не стало через два месяца после презентации книги, которую мы провели в той самой библиотеке, где впервые встретились с ней.

При жизни эти светлые замечательные люди хотели подарить мне что-нибудь на память. Наверное, они не понимали, что книга и стала памятью на всю жизнь, дала возможность мне проявить себя настоящим журналистом. С тех пор я приобрела популярность, была на хорошем счету у главного редактора, получила признание коллег. Воспоминания о той судьбоносной встрече до сих пор дарит мне светлую печаль. Только мне грустно от того, что Аленьким цветочком меня больше никто не называет...

Ариша ЗИМА